
Борис
Алмазов
Ангелы
над
Городом
петербургские
легенды

Петербургский фольклор

Борис Алмазов

Ангелы над городом. Петербургские легенды

«Автор»
2023

Алмазов Б. А.

Ангелы над городом. Петербургские легенды / Б. А. Алмазов — «Автор», 2023 — (Петербургский фольклор)

Городские Петербургские сказки (былички) в авторском пересказе, охватывающие триста лет со дня основания города до недавнего прошлого. Городской фольклор.

© Алмазов Б. А., 2023
© Автор, 2023

Содержание

Чудской шаман 10
Повелительница кошек или 15
Корабли из Ниена 20
Призрак Летнего дворца 27
Невские волки 32
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Борис Алмазов
Ангелы над городом.
Петербургские легенды

Предисловие

"Сказка рассказывается не для того, чтобы скрыть,
а для того, чтобы открыть, сказать во всю силу,
во весь голос то, что думаешь."
Е.Шварц
– Откуда сказки беруться? Вы, наверно, их сами выдумываете!

– Да я бы рад, но к сожалению, талантом фантаста не обладаю и как это не прискорбно, ничего выдумать не могу. Пробовал. Даже на заседание секции фантастики заходил, познакомился там с Б.Н. Стругацким, но даже он во мне способностей писателя-фантаста не обнаружил. А вот сказки, легенды и всякие "волшебные" истории я собираю всю жизнь и пересказываю.

Как рождается сказка? Ну, примерно, как образуются жемчуг. В раковину жемчужницы попадает какая -нибудь песчинка, соринка и долгое время жемчужница обволакивает ее слой за слоем особым веществом, пока жемчужина не образуется. Так и городские сказки, подчеркиваю, городские в тысячах пересказов превращаются в законченное литературное произведение. В их основе, как правило, какое то реальное событие, какой-то исторический факт, или герой, который на самом деле существовал. Это вроде песчинки в раковине, та что потом со временем образуется в жемчужину.

Сначала городская сказка – долгое время существует как "быличка". Есть в устном народном творчестве такой жанр – рассказ, как бы, "очевидца". Начинаются былички не с привычных для сказок слов: "Жили были" или "В некотором царстве, в некотором государстве", а "Мне бабушка рассказывала", "Соседка говорила" или обезличенно: "Говорят". Частенько это смейные предания, уличные истории и даже городские сплетни, которые, обрастая деталями и подробностями, передаются из поколения в поколение. Бывают былички заводские, студенческие, солдатские, корабельные и др.

Петербург в этом смысле не исключение. И в нашем городе былички, легенды, сказки рождались и жили, наверняка, и нынче тоже рождаются… Может, несколько в угоду нынешним реалиям видоизменились, однако, законы, по которым они возникают и живут – неизменны чуть ли не с античных времен. Столетия назад, когда значительная часть горожан была неграмотна, любой факт мог стать основой городской легенды.

Например: Государыня Елизавета Петровна, боялась мышей и по ее указу в Петербург из Казани привезли котов. Этот исторический, документально зафиксированный, факт превратился в сначала в быличку, а потом в сказку: появилась бедная, добрая девочка, по той же модели, что и Золушка, а завершилось все благополучным финалом, как и положено в хорошей сказке.

В детстве я слышал эту историю в десятке вариантов и вот теперь ее пересказал сам, то есть собрал все известные мне былички, объеденил их, придал повествованию литературную форму и отредактировал, добавив к ней еще одну, тоже городскую, легенду о Черной даме…

У городских сказок есть особенность: они, привязаны ко времени и к конкретному адресу. Сказка про Чудского шамана – с Малой Охты из бывшей Матросской слободы, как и сказка "Корабли из города Ниен". Там я их и услышал в 60-е годы от коренных охтенских старожилов, переживших блокаду. "Черная дама" – из легенд Невского проспекта, "Позолоченные пилюли" – Васильевский остров, но записывал я её у жительницы Сенной площади. "Жернова" – Ржевка, Пороховые. "Механическая кукла" бытовала у моряков Кронштадта и Ржевского Морского полигона. "Невские волки" из Гвардейских казарм. В частности, Лейб- Гвардии Павловского полка на Марсовом поле. "Бедный Павел" – из бывшей Литейной части. Рассказывала мне старушка, жившая на Захарьевской улице, "Воробей" – из Таврического сада…

Я пересказал пока только несколько сказок. На самом деле их много больше, есть про Черного мальчика, про Беглого каторжника с Никольского кладбища Александра Невской лавры, про Глухого музыканта, про Гвардейских Комендоров и чёрную кошку с "Авроры", про Японский меч, про Несмертельного брандмейстера и др. Но это еще только фольклорный материал т.е устное народное творчество, а не литература. Есть городские истории о Государях и простых горожанах, о действительно живших в нашем городе учёных: о Ломоносове, Виноградове, Менделееве, о Петербургских святых, например, о Ксении Блаженной и др. Несмотря на то, что сознание современного горожанина забито избыточной информацией, рекламой и телевидением, городской фольклор не умирает… Почему?

Однажды, замечательный ленинградский ученый – германист М.И. Стеблин-Каменский спросил исландцев, почему у них в легендах, быличках и сказках такое несметное число троллей, призраков, и прочей сказочный публики? На что ему ответили:

– Нас в Исландии очень мало и человеческая фантазия населяет мир, чтобы людям не было одиноко.

Это обяснение – почему в каменных джунглях города, в балтийских туманах и смоге, под плеск волн рек и каналов, воду которых давно нельзя пить, а в реках купаться, в тяжелом и монотонном труде на заводах и фабриках, в казармах, набитых солдатами, привезенных со всех концов страны, при лихорадочном призрачном свете белых ночей или промозглой зимней тьме, рождались сказки – легенды. Они спасали и спасают горожан от чугунной тяжести однообразного бытия. Помогают сохранить лучшие человеческие качества: доброту, милосердие, сострадание. Спасти душу и каждому оставаться неповторимой бесценнной личностью. Другой то ведь такой никогда не было и больше никогда не будет....

Ангелы над городом

Когда Петр I задумал на брегах Невы новую столицу Державы Российской воздвигнуть – многие его от этой затеи отговаривали: дескать, и государства враждебные рядом – покою не дадут, и места для города не подходящие – леса да болота, и Нева – река сильно коварная. Да и на что нам русским – народу мирному и сухопутному по морям плавать да с иноземцами ратиться?

Но царь Петр I, был характера упрямого и противоречий своей воле не терпел. Он и с матушкой своею – царицей Натальей Кирилловной в распрю вошел, когда она его от строительства отговаривать, было, начала. Ногою топнул да крикнул:

– Такова моя воля! Быть посему!

На родителей то голос повышать да ногами топать – непрощенный грех и даром сие не проходит.

А Государыня Наталья Кирилловна, нет, чтобы на крик Петра, внимания не обращать, тоже в сердца вошла, да и промолвила в горячности:

– Быть городу пусту!

Так ли было не так, а по народу слух пошел: мол, на строительстве заклятие положено: – «Быть городу пусту». – зря только стараемся: просеки рубим, да каналы копаем.

Говорила матушка таковы слова или нет – не ведомо, а только стали досужие люди это проклятие повторять.

И ведь неспроста повторяли! То, что брега Невы пустынны были – дебри да овраги – истине не соответствует. Места сии от самой глубокой древности известны и заселены. По Неве то матушке, Бог ведает с каких давних времен, торговые пути шли в заморские страны: по морю Каспийскому в Персию, Турцию да Индию, по Днепру – в море Черное и далее в Грецию, Италию, а может и в Африку. Потому за пути эти торговые постоянно войны велись между новгородцами, шведами, немцами и прочими варягами…

А по берегам от Балтики до Ладоги более тысячи поселений стояло: селища разных язык людей: чуди, веси, еми да суми – финской, деревни русские, усадьбы шведские, две крепости Нотебург да Ниеншанц и целый город Ниен. Народы здешние на судьбу свою не сетовали, под государеву руку идти не мечтали и никакой город замест их сел им был вовсе не надобен. Никакой они для себя в нем пользы или выгоды не видели, а тяготы принимали по строительству большие. Потому и шептались меж собой и слух далее распускали:

– Быть городу пусту.

Но пуще всех городскому строительству противились чудские, водьские да вепские шаманы – язычники повторяя:

– Быть городу пусту.

Насылали шаманы (оне же волхвы и язычники) на строительство проклятия и всякие жестокие кары. Пророчили, что погибнет город и поселившиеся в нем от воды, огня, болезней и от голода.

Возмущались-то и проклинали то они не зря. До прихода армии петровой, они тут над всеми речными и лесными народами владычествовали и господства своего терять не желали. А пуще всего злобились, что капища их – места молений и жертвоприношений кровавых теперь разрушились.

Ну, а скажем, почему бы эти места молений языческих не трогать – дескать, стоят и стоят, молятся там кто – охочие – да и на здоровье, коли они так веруют. Они, мол, там, а мы – в храме Божьем. Они – сами по себе , а мы – сами по себе…

Но старцы наши Православные, монаси смиренные, так разницу объясняли: народ Православный у Господа нашего Милосердного к себе и ближним своим милости просят, а язычники злым богам жертву приносят, чтобы от себя злые их чары отвести, а может и на кого другого наслать… Потому и жертвы им желательны кровавые, пуще иного – невинные девушки, да малые дети …

На месте нынешнего города нашего таких злых и сильных капищ, где жертвы приносились, располагалось несколько, но главнейших имелось три.

Одно, самое древнее и злое, камень жертвенный – еще шведские солдаты разрушили и в землю закопали. А когда на сем месте стали Обводный канал проводить – капище то потревожили и отрыли. Обнаружили и камень жертвенный, и округ него кости жертв, в том числе и детей малых. И сразу пошли в этом районе преступления да самоубийства, стали в Обводный канал несчастные, в умственном затмении пребывая, бросаться, а то и детишек топить. И хоть канал вычистили и всякую нечисть из него выкинули да вывезли, а все равно место здесь остается нехорошее. Темное.

Второй злой камень жертвенный лежал на Невском берегу, где нынче Литейный мост. Много от него беды являлось. Даже когда скинули его в Неву, зло вовсе то не исчезло. Не зря и на левом и берегу, и на правом, близь того места, две тюрьмы стоят – знаменитые «Кресты» и почти что напротив на Шпалерной улице 25 – первая в России специальная следственная тюрьма – «Шпалерка»

При строительстве Литейного моста в сентябре 1876 года погибли пять рабочих. Через год случилась новая катастрофа: произошел взрыв, погибли еще девять человек.

В Неве на этом месте постоянно меняются подводные течения и, бывает, натыкаясь на опоры моста, терпят крушение проходящие суда. Всего же за полтора столетия по разным подсчетам число жертв на мосту и у моста, по разным подсчетам, простирается от 40 до 100 человек.

Третий жертвенный камень – находился в Конной Лахте в тринадцати верстах от центра города – Петропавловской крепости. Надумала государыня Екатерина Великая поставить памятник Петру Первому. Призвали из Франции скульптора Фальконе, стали искать камень для постамента. И вскорости таковой именно в Конной Лахте и нашли.

Камень огроменный, сказывают ему язычники жертвы приносили, вот и понимай, не только потому что валун сей велик был (все равно ведь его потом чуть не на две трети каменотесы стесали: был тринадцать сажен в высоту , стал – шесть. Что ж сразу то камень поменьше было не выбрать, ан вот тут все не просто.) должно посчитали, что нужно именно языческое капище упразднить и поверх него изваяние Петра поставить, чтобы всем явить: власть царская любое волшебство и колдовство злое непременно укрощает.

С валуном этим, когда тот еще в Конной Лахте пребывал, никак сладить не могли – сатанинская злая сила, видно, мешала. Потому решено было молебен перед камнем учинить. Сказывают, как святой водой камень окропили из него бесовские силы, в черных ворон оборотясь, тучей вылетели. Так камень силу и потерял.

Однако, когда воздвигли памятник – царь Петр на коне с подъятой рукою, как бы стихии враждебные усмиряющий, беды то в городе не уменьшились. И горел Санкт-Петербург не единожды, и наводнения его чуть не смывали, а уж голод… Таковой голод на его долю выпал, что и сказать нельзя.

Сбывались языческие проклятья или нет – сами размышляйте, – а ведь только и Петр-царь, по чьему повелению город, заложен был, и сам от воды погиб. И как раз в Конной Лахте, где капище языческое было.

При переходе на гребных судах в шторм, одно перевернулось и матросы начали тонуть. Петр, как легенда гласит, кинулся их спасать из ледяной воды – простудился, заболел и от того преставился.

Но только старинному проклятию «быть городу пусту» свершиться не дано – Санкт Петербург множество святых да еще три архангела небесные защищают. Старым –то петербуржцам они хорошо даже по именам известны.

Первый архангел Гавриил, в трубу трубящий, вознесен на шпиле колокольни Петропавловского собора.

Второй архангел Михаил – воевода всех сил бесплотных на Александрийском столпе на Дворцовой площади стоит – лицом к Зимнему дворцу и перстом в небеса указует, чтобы власть предержащие не забывали в чьей они воле и кому своими победами обязаны.

Третий архангел Рафаил – охранитель покоя и здоровья семей и всех людей град наш населяющих, на церкви Святой Екатерины, что на Кадетской линии Васильевского острова. Была с ним беда – выломали из рук его крест, который он держал. Прозвали его в те поры горожане – Ангел пустые руки. И много в городе бед творилось, пока, на место, совсем в ветхость пришедшей скульптуры, новую не поставили – точь в точь как прежнюю и с крестом охранительным.

Ангелы эти над городом так стоят, что образуют жесткий треугольник над Невою, которая, как известно – главный проспект Петербурга. К Неве же матушке навеки прибит наш город золотым гвоздем шпиля колокольни Петропавловского собора.

Пока над городом три Ангела стоят – никакие заклятия Петербургу не страшны и никогда слова «Быть городу пусту» не сбудутся.

А Медному всаднику – Петру Первому дано послушание – перед наводнениями или бурями и прочими напастями, горожан предупреждать! Срывается тень его с пьедестала и скачет черное видение по улицам и набережным вдоль Невы, рек и каналов и хоть видение сие бесплотно, а звон подков скакуна далеко разносится – подобно звону тревожного набата. Заслыша сие предупреждение, горожане в опасении пребывают, в храмы, милости Божьей просить бегут и всяческие предосторожности не медля предпринимают, чтобы имущество сберечь и самим не пропасть!

Чудской шаман

Давным-давно, лет двести назад, а то и раньше, проживала в нашем городе Санкт-Петербурге семья моряка. Жили они в матросской слободе в казенной избе прямо на берегу Невы. Моряк на военном фрегате боцманом служил, а жена прачкой подрабатывала – боцманское то жалование не велико, а ребятишек в семье то пятеро – все есть хотят. Тогда почти все моряцкие жены на Неве белье стирали да полоскали, почитай всех питерских горожан, обстирывали. Что ж не стирать, когда Нева в трех шагах и вода в ней мягкая, мылкая. Каждое утро и летом и зимой к ней прачки белье грудами на коромыслах несли, на мостках его мыли – полоскали, да валками выколачивали. Ну, и ребятишки тут же. Девчонки матерям помогают, младших братишек сестренок нянчат, присматривают, чтобы карапуз в реку не упал, а мальчики с удочками, да бреднями – рыбу ловят, благо в Неве ее в те поры было много. Улов и семье в приварок, а то и на продажу… Нева-матушка, наша полноводная, и помощница, и поилица, и кормилица… Да вот беда – часты на Неве наводнения.

Как подует с залива ветер, остановит в Неве воду, да и погонит ее обратно в Ладогу, хлынут волны на низкие берега – все снесут, смоют… Пройдет шторм, уляжется непогода, стихнет ветер, а на берегу, где матросская слобода стояла – уж и нет ничего. Только чайки по песку ходят да кричат… Избы по бревнышку буря разметала, да в Балтийское море вынесла. Потому на берегу и строились то наспех абы как – землянки да сараюшки временные – все едино наводнение смоет.

Но хоть построить времянку и недолго, а все ж мужские плотницкие умелые руки нужны, да и время на постройку надобно. А сразу то после потопа куда деваться?! У костра на берегу не перезимуешь.

Так вот и случилось. Налетел западный осенний ветер нагнал волну – матросскую слободу с берега как языком слизало. Слава Богу, успела морячка детей, да икону из потопающей избы выхватить – на высокое место перетащить. Не первый ведь раз такое приключалось – привыкли. Однако, в тот раз совсем худо сделалось. Муж то морячки, боцман, в дальнее плавание ушел может на год, а может и дольше…. Жилье строить – некому.

Вот собрала морячка пожитки свои невеликие – в одном узелке поместились. Остальное все вода унесла. Подхватила пятерых своих ребятишек и пошла к мужнину морскому начальнику.

– Так и так, мол, ваше благородие, явите милость к нашему художеству и нонешнему сиротству. Зима в глаза глядит – вот уже и первый снег выпал! Куда нам деваться?!

А начальник то сам из балтийских моряков, сам в Питере возрос да в чины вышел – ему и объяснять не надо – сам все понимает. Только у него таких как наша морячка – полное Присутствие, прямо так в приемной со стариками да детишкам на узлах с пожитками на полу сидят – ступить некуда. Распихивают их на временное жительство кого в церковь, других в казарму – тут уж не до выбора – кому что достанется, лишь бы в тепле под крышей перезимовать, да детишек сохранить.

Нашей то морячке выпало на старом складе жительство.

– Только, – говорит морской начальник, сам в пол глядит, усы крутит: – сказывают место сие не больно хорошее… Кому предлагаю – все отказываются.

– Печка есть? Вода из подполья не выступает? – морячка спрашивает.

– Да это то все в аккурате. И строение прочное каменное, сухое, и помещение вам будет просторное…

– Ну, так что?

– А вот и то, что ладились мы там лоцманскую школу открыть, да что-то не вышло… Которые новобранцы чуть ума не лишились, а которые разбежались кто куда. Все бы ничего, ан вот не выдерживают…

– Мне выбирать не приходится, – говорит прачка – морячка, – не в сугробе же ночевать… У меня эвон детишков пятеро!

Получила она в Присутствии на месяц харчей: муки да солонины, крупы да капусты, вахтенный матрос на ручной тележке ее все припасы доставил, сгрузил, ключи от нового места жительства передал, а сам скорее бежать – только пятки засверкали.

Морячка дом осмотрела – и правда хороший: крепкий, каменный, комнаты просторные светлые да и не одна, печь широкая не дымит – все в исправности. Правда, из обстановки всего стол да лавка, да, вот еще цветок бальзамин засохший в горшке на подоконнике. Да она и этому рада –радехонька. Она в таковых то покоях и не жила никогда прежде. Печку растопила, каши наварила, тесто на пироги замесила.

Тепло в доме стало, да как то невесело. Ветер завывает. Дождь в окошки стучит, ставни скрипят…. Может оттого и тоска давит. Сидят детишки на печке как совята на ветке – глазами хлопают.

– Слезайте с печи. Идите кашу есть.

– Нет уж, лучше мы тут посидим… Страшно.

– Да это вам с непривычки к высоким потолкам, – говорит морячка, – в нашей то избушке потолок был низок, а здесь вон хоромина какая – дворец!

Взяла в прихожей бадейки да коромысло – пошла за водой.

А уж стемнело. Поздней осенью в Питере смеркается рано.

Вернулась обратно от колодца в дом – а детишки то с печи не слазят, так и сидят как воробьи не ветке, друг к другу прижавшись.

– Что вы кашу не едите – стынет!

Как реванули они в пять голосов…

– Мамынька, бежим отсюдова! Тут кто-й то из под пола стучит!

– Да полно вам… Это, небось, мыши скребутся.

– Так мыши не скребутся! Оне махонькие. А тут как в дверь стукотят, будто разбойники лихие ломятся.

– Да полно вам! Вот отец из плавания вернется – расскажу какие вы трусишки – он вас, небось, не похвалит.

А у самой тоже тоскливо на сердце. Затеплила перед иконой лампадку, забралась к ребятишкам своим на печь – засопели они в десять дырок, а к ней и сон не идет!

Только задремала чуток – стук откуда то! Да сильно так, настойчиво стучат. Подумала морячка, что это ветер ставнями бьет. С печи слезла, кацавейку старенькую, из мужнина бушлата перешитую, на плечи накинула, взяла фонарь, обошла дом вокруг. Все ставни проверила. Не стучат ставни! Воротилась в дом, фонарь гасить не стала, на стол поставила. Только на печь к детишкам своим забралась – опять стук! Да и ведь непонятно откуда слышится!… Глянула она с печи, а посреди комнаты из под пола рука высовывается, длинными костлявыми пальцами по половицам скребет, стучит – точно раздвинуть их пытается.

– Может тут в подполе злодеи какие человека посадили, да замуровали?! – думает морячка. Соскочила с печи, взяла в прихожей топор. Подцепила половицу, из под которой рука высовывалась, подняла. А под половицей ничего нет… Камни да земля плотно утрамбованная. Негде здесь не то что пленнику, а и мыши то поместиться!

Сотворила морячка перед иконой молитву, детишек перекрестила – присела на лавку. Чуть погодя – опять стук, и опять рука половицы скребет.

Подошла ближе – нет ничего. Так то всю ночь с топором в руках, да с молитвой на устах сон своих ребятишек и оберегала.

Рассевело, тусклое питерское солнышко в окошки засветило. Детишки проснулись с печи полезли, к лохани посунулись умываться. А старшая девочка и говорит

– Мамынька, что это с тобой поделалось? У тебя вон виски все седые! – да реветь, а за ней и младшие заголосили.

– Перестаньте! – мать говорит, – Неужто нас Господь и Пресвятая Богородицы в нужде нашей не пожалеют. Крепитесь! Про отца помышляйте! Ему, небось, в океан – море, да в шторм – непогодь еще и не так страшно бывает, а разве он слабеет душою? Он молитву шепчет, про нас думает и дело свое матросское делает неустанно – вот страх то и отступает!

Побежали они всем семейством поскорее в церковь. Батюшка их выслушал, святые дары взял, епитрахиль и все что положено, молебен в доме морячки совершил, святой водой все углы да закоулки освятил.

– Живите, говорит, – спокойно! Никакая нечисть ничего вам худого сотворить не сможет, пока вы Христу веруете. И не сомневаетесь, не сокрушаетесь!

И верно, ночью стука не было и рука из под пола не скреблась. А морячка все едино, полночи уснуть не могла да под рукой, на печи лежа, топор держала. Под утро чуть задремала и видит сон: будто половицы раздвигаются и вылезает из под пола старик. Белый весь, седой будто светится. Одежда на нем белая длинная, руки до колен, борода до полу, нос крючком и глаза зеленым огнем полыхают… И бормочет он какие то, непонятные морячке слова:

Абута мини, абута
Минун колмал сизуб кивине перть,
Миндей йаов пекси,
Абута мини, абута, кайва мини луд,
Вё хиидь корбен меча,
Кайва питкян педейаност,
Абута мини, абута.

И на другую ночь старик снится и на третью… А слова его непонятные сразу морячке на память легли, запомнились. Какую работу она не делает, а все голове стучит:

Абута мини, абута…

Нет от этих слов морячке покоя. Хотела к давешнему батюшке за советом сходить да постеснялась его суетливым своим разговором занимать. Он же ведь один раз уже помог – видение то исчезло, рука из подпола больше не показывается. Что ж его лишний раз утруждать – еще скажет, ты, морячка, умом решилась, опять тебе всякая ересь мерещится… А слова старика непонятные все у нее в ушах стучат:

"Абута мини, абута…."

Совсем она от этого устала. Вот раз, на Неве полоскала, задумалась, да и упустила белье. Поплыли по волнам штаны, да рубахи. Схватилась она, а уж белье то далеко отнесло, не достать. Это ведь убыток какой! Как за потерянное белье хозяевам платить? А она за эти дни и так душой истосковалась, не выдержала она, села на камушек, да и заплакала. А детишки то ее все пятеро вокруг как цыплята к курице жмутся, жалеют мамку то, а как помочь не знают. Да и как тут поможешь?

Делать нечего – отерла она слезы, подняла пустое коромысло, только собралась домой идти, а с реки ее окликают.

Оглянулась – пристают к берегу трое рыбаков на лодке. Смеются, издали ее бельем упущенным трясут.

– Эх, ты говорят, растеряха, морскому царю твои подарки не надобны. Он матросские портки да тельняшки не носит!

Обрадовалась морячка, уж не знает как рыбаков и благодарить.

– Пойдемте, – говорит, ребятушки, я вас хоть обедом поподчую, у меня щи в печи горячие наваристые. Вы хоть маленько согреетесь да обсушитесь. Небось вы на реке до серцов иззябли, ветер то вон какой студеный…

Уж как они не отнекивались, а морячка их домой привела.

Отобедали рыбаки, обсушились. Ребятишки к ним так и льнут – по отцу то соскучились, а от этих троих мужиков как от отца морем да соленым балтийским ветром пахнет.

И рыбаки эти ребятишкам рады – шутят с ними, на колени сажают. Тоже видать, по дому соскучились, по своим детишкам.

А примечает морячка, рыбаки эти по-русски не чисто, а как то смешно, говорят, а меж собою и вовсе на другом наречии – ей непонятном.

Она возьми да и спроси:

– А разумеете ли вы таковые слова:

Абута мини, абута

Минун колмал сизуб кивине перть,…

Рыбаки отвечают:

– Да. Это наше наречие, только очень древнее. Но для нас понятное. Откуда ты эти слова знаешь?

– Откуда рассказывать долго, – говорит морячка, – а вот чтобы они означают по-русски?

– Да это, – рыбаки отвечают, – вот, что:

Помоги мне, помоги!

На моей могиле стоит каменный дом

Совсем меня задавил

Помоги мне, помоги!

Раскопай мои кости

Снеси их в дремучий лес

Закопай у высокой сосны, у большого камня

Помоги мне, помоги.

– А к чему бы эти слова? – морячка спрашивает.

– Это наверно из какой – нибудь сказки нашей старинной. Тут ведь, где нынче Питер город стоит прежде наши племена жили. Здесь и святилища были и погосты. Вот, наверно, на какой то могиле знатного шамана хоромы выстроили, может шведы, а может и русские, а ему и тяжело под фундаментом лежать. Дух его в родные леса, да болота просится… Да тебе то это на что?

– Да вот уж и не знаю… – морячка отвечает. – А выходит, что жалко мне этого шамана.

Попрощалась с рыбаками, пирогов им на дорогу дала. Они поклонились, голубыми глаза поморгали, шапки на свои русые головы натянули да и пошли на Неве веслами махать, к Ладоге двинулись…

Морячка в дом воротилась, а в прихожей в бадейке с водой рыбы хвостами плещут – рыбаки за обед отблагодарили.

Ночью морячка, на печи лежа – никак уснуть не могла. Заутро побежала к моряцкому священнику, тому что дом освещал. Рассказала ему все как есть. Так и так, говорит, а что делать не знаю. Батюшка помолился, в книге почитал, поверх очков на морячку глянул и говорит:

– Давай ко мы с тобою, доченька, над рассказом твоим поразмышляем да всё порядком исследуем. Вот хорошо бы у тебя на душе было, когда на могиле родителей твоих кресты бы порушили да строение возвели?

– Не дай Бог! – морячка крестится.

– Вот то-то и оно… А этому, кой под домом твоим покоя не находит, каково?

– Так ведь шаман он, – морячка говорит – Нехристь.

– А рассуди, когда в Неве робенок станет тонуть, ты гадать будешь – крещен он али нет? Разве только крещенного спасать кинешься?

– Как ведь то робенок…

– А сей еще хуже – покойник. Он и вовсе за себя никак постоять не может. Он ведь просит тебя – как не помочь?

– Батюшка, я боюсь…А вдруг из могилы нечисть какая выскочит, да ко мне и детям моим прилипнет, порчу наведет!

– Эх, маловерная! Да какая к тебе порча прилипнет, когда тебя сам Господь незримо повсегда бережет. А уж коли ты такая робкая – пойдем вместе. Я уж старый – копать не могу, а рядом с тобой молитву творить буду.

Вот взяли они ящик, какой покрепче, половицы подняли, стала морячка камни вынимать да землю раскапывать, а батюшка рядом стоит молитвы читает, да кадилом кадит, и детишки тут же стоят – свечки зажженные держат, молитвам подпевают.

И все как есть под половицами натурально оказалось: и косточки и череп и амулеты какие-то волшебные. Все морячка в чистую холстину завернула, в ящик положила и крышку заколотила.

В тот же день с батюшкой да с детишками на подводе далеко за город в лес уехали. Там у большой сосны под валуном древним, как шаман просил, ящик то и закопали. Затемно домой вернулись. Печь затопили, свечки зажгли сели ужинать, а самая младшая девчонка кричит:

– Смотрите, смотрите!

Глянули, а на подоконнике бальзамин иссохший ожил – весь в цветах стоит!

А по весне отец из кругосветного плавания вернулся. Надумал в кухне подпол для припасов откопать – там где шаман захоронен был, да и вырыл корчагу древнюю, полную золотых монет. Как раз морячке с мужем на безбедную старость, девчонкам на хорошее приданое вышло. А сыновья, когда выросли да новигацкую школу закончили, на свою долю шаманского клада крепкий двухмачтовый парусный кораблик построили. Стали по Неве, по Ладоге плавать в Балтийское море выходить – рыбу ловить да товары возить. А назвали кораблик – ШАМАН.

Повелительница кошек или

Черная дама

Давным-давно, лет, наверно, двести пятьдесят тому назад жила была в Санкт – Петербурге городе на Казанской улице девочка сирота. Родители у нее умерли и ютилась она в людях у хозяев в услужении. Они то всем соседям говорили, что содержат сироту из милости. А из какой милости, когда она с утра до ночи на хозяев без отдыха всякую тяжелую работу ломила: квартиру убирала, полы мыла, воду носила, дрова колола, печки топила, еду готовила, белье на речку Мойку ходила стирать да полоскать, хоть в реке с мостков, хоть в проруби, летом двор мела, зимой лед скалывала – хозяева дворника да водовоза не держали – скаредничали, деньги копили – наживались на трудах приёмыша, да еще и ругали ее да попрекали – мол, живешь у нас тут из милости. Не дозволяли ей ни подружек заводить, ни во дворе играть. Да какие игры?! Работала по все дни, от рассвета до полночи…

Хоть бы раз поблагодарили, да ласковое слово сказали – нет того! Все криком да тычком, да попрёком… Мы, мол, тебя кормим-поим, одеваем, жилье даём… А какое "кормим -поим" ?! Сунут краюху хлеба, что сами не доели. На – посоли слезой, да запей студеной водой – вот тебе и все питание. Ходила девочка в обносках, спала в кухне на каменном полу. Так и проживала она – хоть и в людях, а все одна одинёхонька.

А человек так – жить не может. Каждому нужно тепло душевное, да ласка, да в судьбе участие. А коли нет того в окружающих людях, заводит одинокий человек тогда какую нибудь животину – птичку там, либо собачку домашнюю.

Наша то девочка была добрая – на чужую беду отзывчивая. Сильно жалела она котят, коих на улицу злые люди выбрасывали. Отыщет котят, домой принесет, обогреет – сама не доест, не долпьет, а котят выростит. Они потом разбегались по городу кто куда, но которые и при ней жительствовать оставались. Не в доме, конечно, – хозяева того не допускали, а во дворе или на чердаке, а не то и под крыльцом.

Посматривали кошки да коты на сиротское девочкино житье, всё понимали да ее жалели. Вот помочь да накормить старались, раномерно тому как их девочка, жалела да прикармливала. Зимними ночами, когда на каменном полу спать – студено, все равно как на льдине, собирались стаей вокруг девочки – обогревали ее своими телами, баюкали – мурлыкали. Но только так, чтобы хозяева не видели, не слышали.

Подкормить ее старались, ясное дело, по своему кошачьему разумению, зато от всей души. Наловят мышей, на крыльцо принесут да разложат.

– Угощайся девочка, вот мы тебе самых лучших мышей наловили.

Хозяева от этих кошкиных угощений прямо в ярость приходили, всё грозились девочку из дома выгнать.

– Живи, мол, где хочешь со своими кошками!

Тут как раз в Новогоднюю ночь хозяева пили-гуляли, всяким явством угощались, а сироту то нет, чтобы за богатый стол усадить со всеми вместе, а и кусочка рождественского пирога ей не вынесли. Ну, хоть бы ради праздничка!…Кошки, видя такое неподобство, сильно озаботились – как же так все горожане празднуют, а благодетельница их голодная горюет! Вот уж они расстарались – понатащили добычи чуть не со всего города да на крыльце разложили ковриком – ступить некуда! Хозяин то с хозяйкой собрались – нарядились не то в гости наладились, не то по городу променад сделать перед соседями, перед всей улицей покрасоваться – да на этом коврике осклизнулись, да так с крыльца и грянулись. А на тело то они люди тучные – может и поломали себе чего – руки ноги. И еще с земли не поднявшись, в крик на девочку:

– Вон со двора долой! Со свими кошками убирайся куда хочешь и чтобы духу твоего здесь не было! Не то убьём, не помилуем!

Сиротка то испугалась – как не испугаться – когда убить грозят! – кинулась бежать со всех ног, сборы то недолги – вся и одежка ее только то, что на ней, да платок дырявый, да на босых ногах опорки, вот все и достояние, а боле и нет ничего. Побежала она – кошки следом! Охраняют! Мало ли что! На улицах бывает всякие безобразники шляются и пьяные притом – всё же Новый год!

Долго ли коротко бежала, оказалась близь Зимнего дворца. Тут народу много. Смоляные бочки горят, фейервеки каруселями крутятся, кругом елки изукрашенные, как Государь Петр Алексеевич Первый наказал. Вот уж почти полвека указу его горожане неукоснительно следуют. А чтобы указ не забылся – исполнялся в точности на перекрестках глашатые с барабанами тот Петровский указ кричат – вычитывают громкими голосами: "Великій Государь Царь и Великій князь Петръ Алексіевич, всея Великія и Малыя и Белыя Россіи повелеть соизволил: впредь лѣта счислять въ Приказахъ и во всякихъ делахъ и крѣпостяхъ писать съ Генваря съ 1 числа отъ Рождества Христова 1700 года. Послѣ должнаго благодаренія къ Богу и молебнаго пѣнія въ церкви и передъ вороты учинить нѣкоторыя украшенія отъ древъ и вѣтвей сосновыхъ, елевыхъ и можжевеловыхъ, а людемъ скуднымъ комуждо хотя по древцу, или вѣтвѣ на вороты, или над храминою своею поставить,… Да Генваря жъ въ 1 день, въ знакъ веселія, другъ друга поздравляя Новымъ годомъ, учинить огненныя потѣхи, каждому на своемъ дворѣ изъ небольшихъ пушечекъ, буде у кого есть, и изъ нѣсколько мушкетовъ или инаго мѣлкаго ружья, учинить трожды стрѣльбу и выпустить нѣсколько ракетовъ, сколько у кого случится. Генваря съ 1 по 7 число, по ночамъ огни зажигать изъ дровъ или хворосту или соломы, или, кто похочетъ, на столбикахъ поставить по одной или по 2 или по 3 смоляныя и худыя бочки, и наполня соломою или хворостомъ, зажигать. В палатах собравшись устраивать ассамлеи и машкерады, танцы, пение и всякое веселие!"

Не заметила девочка, как под грохот салютов, при свете огней праздничных оказалась на Дворцовой площади перед Зимним Дворцом. Тут вся площадь конями и каретами уставлена, в каретах господа и дамы в большом волнении пребывают и там впереди перед каретами шум какой-то. Слуги, что у карет на запятках стоят, шеи тянут к ушам ладони приставляют, чтобы слышать, о чём там впереди кричат, и господам в каретах про то докладывают.

– Вот уж более пятидесяти лет Указ Петра Великого исполнялся: завсегда в Зимнем Дворце в Новый Год учиняли машкерад и танцы, а нонеча такой шкандаль! Собрались именитые люди на празднование, а в Зимнем дворце, что весь год стоял пуст (Государыня то Елизавета Петровна в Царском Селе жительство имела) мыши развелись. Да столько, что и уму непостижимо – волнами ходят. А Государыня Елизавета Петровна – сильно как мышей не обожает, даже, можно сказать, боится!

Девочка росту то невеликого, меж каретами протиснулась, меж гвардейцами, что караул вокруг Императрицы держали, пробралась и видит – царица матушка вся от гнева красная, кричит и ногами топотать изволит – на генералов и министров ополчась:

– Что же это, – кричит,– за стыд, за такой?! Тут у гости заморские и дипломаты разных держав иностранных, а вы такое непотребство допустили, чтобы во дворце мыши! Да за что я вам ордена да медали даю?! Да имениями награждаю! Мне – царице и всей Державе Российской – конфуз на все Европы!

Тут один генерал наперед выскакивает:

– Надо Ваше Величество позвать атамана Платова с казаками. Оне про себя в песне поют: "Мы донцы природны, Мы на все пригодны!" – Вот пущай здесь свое геройство и пригодность Вам явят.

Хитрый генерал – видно атаману Платову насолить хотел, как говорится, "ежа в шаровары" подпустить – осрамить, значит, его перед Государыней. Шутка ли позорище такое выдумать – казакам с мышами ратиться.

Свистнули – кликнули – Враз вот едет на горячем коне геройский атаман Платов, за ним конными рядами казаки бравые, чубы кудрявые, с присвистом да подголоском громко поют:

–"Не страшит нас пуля, меч,

Не страшит ядро, катечь.

Горы, лавины,

Бурные стремнины…"

Хотел генерал Платову подгадить, должно, славе казачьей завидовал, да атаман то не прост оказался. Как услыхал, что сейчас казаков наладят мышей гонять, сразу резолюцию свою высказал:

– Мы, Ваше Величество, любой приказ исполнять всегда в готовности! Казаки на то присягой обязаны! Да только как б нам Казне Государственной и Дворцу Зимнему урону не нанесть. Мы ведь, то есть, кавалерия – как с конями во дворце поместимся? Ведь и кони в парадных залах естеством своим напачкают, да и мы пиками, непременно, все потолки расписные в пыль покрошим! Эва вон они у нас какие пики длинные! Апосля одним ремонтом разоритесь.

– Молодец! – говорит Императрица, – Вот тебе медаль "За усердие", потому как о Державе разумное попечение имеешь – Казну бережешь.

И в знак своего монаршего благоволения атамана к ручке допустила.

Тут другой генерал наперед выскакивает, чтобы преданность государыне выказать:

– Гвардию послать! Преображенцев надоть! Пехоту гвардейскую!

– Чего!? – кричит Елизавета Петровна, – Гвардию? Разуй глаза, генерал! Вона они молодцы какие саженного росту – пехота линейная, как строем пойдут – любые стены проламывают! Да они как станут своими сапожищами пудовыми грохотать, да штыками трехгранными разить – прощай дворцовые мебеля, да зеркала и все паркеты наборные, драгоценными породами древесными выложенные! В уме ли ты, генерал, как богатырь гвардеец с размаху штыком в мелкую мышь на полу попадет! Они, гвардейцы то есть, ведь мигом дворец весь по щепкам да кирпичикам разнесут от своей храбрости да усердия!

Тут один, по виду либо ученый, либо доктор, а как впоследствии оказалось – волшебник, говорит:

– Да не пужайтесь так, Ваше Величество! Ну, какой от маленькой мышки может быть вред? Что эта молекула человеческой особе исделать способна?!

– Как это?! – совсем гневается государыня, – Да я от одного вида мыши в обморок чувств падаю! Фрейлены мои, и прочие благородные дамы – женщины полные, да вона в фижмах каких пышных" Случаем, заскочет мышь под юбку, аль за декольте, да бегать там станет – в момент у нас в от того головах кружение сделается и разрыв сердца. А вот ты сказывал, что душу любого негодного человека в мышь обратить можешь! Может, врал?

– Никак нет! Как можно врать, Ваше Величество, все в точности так: могу душу злодея в мышь превратить и побежит она у него в пятки, а сам он замертво упадет. Но вот обратное из мыши в человека обращение – науке неизвестно. Да вы не сомневайтесь, я по всем залам яды разложу – со временем всех мышей выведем непременно!

– Яды?! – Государыня до того в сердца вошла, что на лицо, аж в синий отлив раскраснелась, – Так ты, вошь заморская, нам сюды в Россию яды привез? Тебя сюды лечить выписали, а ты травить намеревался? Нонеча – мышей, а завтрева – людей?! А ну- ко позвать сюда профоса с веревкой – пущай повесит сего колдуна!

Волшебник на колени пал:

– Матушка Государыня помилуй, прости! Не подумавши, сболтнул…

А девочке его жалко – старенький он, – парик то с него пышный свалился, а под париком то головёнка стриженная махонькая с кулачок и вся как есть седая,…Должно, от жалости

– прибавилося девочке храбрости. Выступила она перед царицей Елизаветой Петровной да, чтобы она от казни отвлеклась, и говорит:

– Ваше Величество, испокон веков лучшего средства противу мышей и прочих грызынов, чем кошки, нет. Глазом моргнуть не успеете, как они они всех мышей из дворца повыгонят!

– Эва новость какая! – Государыня молвит, – Про то и я знаю с издетства, да где нынче враз кошек то взять?!

– А вот, – говорит девочка, – Как раз имеются кошки – со мной пришли. Дозвольте их во дворец запустить?!

Как заорали девочкины коты да кошки, зашипели, зафыркали, во дворец быдто тигры ринулись, а оттуда из всех окон дверей, да что там – даже из труб дымовых, как прыснули мыши во все стороны – ну, как есть фейерверк! В три минуты все залы, коридоры, лестницы, подвалы да чердаки от мышиной напасти избавили.

Государыня обрадовалась, гнев свой позабыла, платочком махнула, артиллерия салют бабахнула, гвардия "ура" закричала, музыканты в смычки веселую музыку ударили.

Слуги дворцовые, моментально, все помещения прибрали, свечи зажгли, цветы в вазах да цветущие померанцы в кадках расставили. Пошел во дворце веселый новогодний бал-маш-керад!

Девочку нашу в новое платье обрядили по последней тогдашней моде, туфли на высоком каблуке, веер огроменный страусинового пера в руки дали. Такая она собой красавица оказалась, что глаз не отвесть. Государыня Елизавета Петровна явила ей Монаршее Благоволение и определила во дворец вместе с кошками на службу. Пожизннно.

А во время танцев, подошел к девочке, незаметно, старичок-волшебник да и говорит:

– За то что ты меня, милая девочка, от смерти спасла и царского гнева избавила, будет тебе три подарка. Отныне и до века веков – будешь ты именоваться Повелительницей кошек. Второй подарок – научу я тебя волшебству защитительному, коим сам владею. Сможешь ты душу любого злодея в мышь обращать. Третий подарок – как отслужишь свой срок во дворце и в престарелый возраст войдешь, тогда сможешь уйти на покой в любую картину, что по залам на стенах развешены, потому откроется для тебя любое нарисованное пространство, как жизнь настоящая. И только ты в пределы нарисованные вступишь – тут тебе и молодость вернется навсегда, там и друга сердечного себе выберешь для счастливой дальнейшей жизни – пастушка али принца, а не то героя какого, рыцаря али кавалера… Но перед уходом должность свою и все умения передашь замест себя другой служительнице, по твоему выбору. Так далее и поведется…

Слух о дарах волшебника по городу прошел и уж было совсем стих, да вот вышло ему подтверждение. Прежде то Зимний дворец дровяными печами отапливался. Многие штабеля дров ко дворцу подвозили на лошадях. У одного возницы лошадь споткулась да упала, может – от старости, может – от усталости. Оно от работы то и бсчувственная машина ломается, а лошадь ведь – живая, все равно как человек.

А возница, нет чтоб животину пожалеть – облегчение в работе ей сделать, схватил полено да и начал ее бить – пьяный что ли был, а может таким злодеем уродился либо сделался. Всякие ведь бывают.

Народ столпился, пытаются его остановить – куда там – пуще сверипеет – конягу поленом охаживает. Вдруг откуда не возьмись, явилась перед ним дама строгая в преклонных годах, вся в черном. Указала на него перстом и промолвила:

– На сем месте, злодей бессердечный, сдохнешь, как скотина поганая, без молитвы и покаяния.

Народ то, что толпою стоял, обмер, а дама повернулась и в Зимний дворец ушла как есть – прямо сквозь стену.

Злодей возница, с появлением дамы, словно окаменел, так и стоял на площади с выпученными от страха глазами. Как только дама во дворец ушла, выскочила у него из за ворота мышь, побежала меж камней мостовой и скрылася, а злодей, с поленом в руках, наземь грохнулся и дух из него вон. Полицейские вот даже не знали, где его и хоронить – помер то без покаяния христианского, да и креста на нем либо иной веры знака не обнаружилось. Закопали небось где то вне кладбища, как собаку… А народ городской по рассуждению согласно решил, что это строгая дама была натурально – Повелительница кошек.

Должность свою от волшебника полученную, как время приходит, она другой достойной даме передает, а до того смотрительницей в залах сидит. Там ведь теперь музей Эрмитаж и во всех залах казенной службы дамы разного возраста и помоложе и совсем бабушки, строго порядок соблюдают, а какая из них волшебная Повелительница кошек – поди узнай! Не угадаешь! Потому к ним, ко всем с уважением относиться надлежит – неровен час, мало ли что!…

Повелительниц то кошек, за долгие годы, во дворце много сменилось. В какую картину, какая дама по окончании службы ушла и где теперь на полотне пребывает – тоже не узнать никогда. Должно каждая в свою, какая ей милее. А на картинах – все молодые красавицы! Которая Повелительницей кошек в мирской жизни была – угадать невозможно.

Кошки во Зимнем дворце до сих пор живут, числом чуть ли не сто двадцать и казенное жалование на проком им положено. Потому служба у них государственная – от мышей ковры, картины, мебель и прочие исторические ценности сохранять.

Горожане питерские коренные к кошкам завсегда с почтением и благодарностью. Кошки то ведь не токмо дворец, а и весь наш город спасли. Это не сказка, а как есть историческеская быль и правда.

После войны и блокады расплодились в города крысы. Вот, чтобы их вывести, привезли из города Ярославля и иных городов целый поезд кошек, прямо на вокзале вагоны раскрыли – кошек в город выпустили. И кошки прекрасно свою службу исполнили, потому в нашем городе поставлены кошкам памятники в знак от нашей, то есть горожан, им благодарности.

Корабли из Ниена

Жил в Плотницкой слободе на Охте корабельщик, махал топором на Петровской корабельной верфи, что стояла на мысу при впадении реки Охты в Неву. Переселили на эту верфь по цареву указу плотников-корабельщиков из города Архангельска еще при Петре Первом. Поначалу то они вольными плотниками считались, а потом, как то незаметно оказалось, что вроде как теперь они государственные крепостные, к верфи приписанные. Потому никуда им от верфи ходу нет – скажем, родню какую в Архангельске навестить или на отхожий промысел податься. Так меж семьями старинное родство и прервалось. Плотники то не особо горевали – гостевать то рабочему человеку некогда. Однако, родни то стало у семей много как меньше. Оно ничего, покуда все в порядке, а как случись беда – так и кинуться за помощью не к кому.

Вот случилась в городе Петербурге и на Охте болезнь – холера, плотник и жена плотника в три для померли и остался их единственный сынишка Андрюшка – шести годов от роду, сиротой. Приютили его соседи. Люди то неплохие, да все едино – каково у сироты житье, когда в доме у хозяев и своих детишек полно и прибытков то никаких – сами то с хлеба на квас перебиваются. Хоть делились с сиротою поровну, как со своими детьми – а не велик кусок ему доставался. Спал на полу в уголке. На лавке, да на печи – хозяева да другие детишки – таково то плотно размещаются, что только и получается им на боку лежать, да всем вместе про команде на другой бок поворачиваться, а на полу спать хоть и просторнее да холодно. Во все щели, да из под двери сквозняки дуют.

Как Андрюшке семь годов исполнилось – определили его на верфь работать. А он махонький совсем – какой с него работник – так на побегушках – подай принеси. Самая то посильная ему должность – стружки из под верстаков выметать, да посматривать, чтобы нигде огня случаем не заронили… Для пожарного опасения стояли на верфи кругом бочки с водой, вот он в эти бочки воду с Невы в бадейках носил. Другие то робяты на реке с удочками сидят или по улице взапуски носятся, а он труждается – на кусок хлеба зарабатывает. Так то за день наработается, что с устатку и до дому не дойти. Да и что там делать в теснотище да в духотище?! Тут на верфи и ночевать оставался. Сделал себе в ящике со стружками постелю: оно и мягко, и тепло, стружки вольным лесным воздухом пахнут, блохи не донимают, одна беда – одному на верфи ночевать страшновато. Ну, да летом в белые то ночи, когда день пасмурный мало чем от полночи отличается – все едино светло, оно вроде и ничего… Не больно страшно.

А еще понял Андрюшка, что есть верное средство: чтобы о страхах ночных не думать, да от теней не шарахаться – делом каким, не то работой заняться нужно и так уработаться, чтобы пасть на постелю и тут же уснуть. Вот и стал он светлыми питерскими ночами с Невы воду в бочки на верфи носить. За день то рабочие воду истратят, кто помыться воды берет, кто на новопостроенном кораблике палубу драить, а вода-то должна быть в бочках постоянно. Вот Андрюшка по ночам и старался. Ночью то оно и ловчее бадейки носить, чтобы под ногами у плотников не путаться, да под какой груз ненароком не попасть.

Раз прибежал он к Неве, видит по волнам мешок какой то плывет. Схватил багор, хоть тот в пять раз больше Андрюшкиного роста, а исхитрился – багор приволок, зацепил мешок и на берег вытащил. Развязал – а там котенок! Видать какой-то хозяин решил от котенка избавиться – утопить!

Андрюшка котенка ветошкой обтер, обсушил. Молоком напоил. На Охте в те поры все коров держали – молока много было. С хлебом беда, а молоко то завсегда есть. Имелось и у Андрюшки в берестяной фляжечке.

Котенок обсох, угрелся, распушился. Взял его Андрюшка себе под бок. Лежат в ящике со стружками. Котенок мурлычет, словно выговаривает: «Андрррюшша, Андрррррюша…», а

мальчишка ему свои мечты рассказывает, да радуется, что теперь у него товарищ появился, а то и поговорить не с кем.

– Вот, – мечтает – когда я маленько силы наберусь, да подрасту чуток – выучусь на плотника, да в учении таково буду стараться, что может и мастером сделаюсь. Грамоте научусь, умные хитростные чертежи разбирать смогу, буду по тем чертежам корабли ладить. Да не такие как нынче на нашей верфи – маленькие: баркасы, гребные галеры, да шхуны двухмачтовые, а большие, огроменные корабли, чтобы мачты до неба, а парусов чтобы целая гора и по каждому борту пушки… И чтобы могли те корабли по всему свету плавать, в дальних морях разные острова открывать и в неведомые нам нынче страны достигать…

А котенок согласно поддакивает: «Андррюша, Андрррррюша…» И так то им вместе хорошо жить стало. Андрюшка с плотниками на верфи из общего котла питался – остаточки коту приносил, мальчишки в Неве да в Охте рыбачат – мелкая рыбешка – коту. Ну, а молока то завсегда вдосталь.

Раздобрел котяра, подрос да такой раскрасавец сделался – сам рыжий пушистый, белый воротник шалью, нагрудничек белый и концы лапок будто в перчатках и в чулочках, а хвост – аршинный трубой, как у гренадера на кивере султан, торчит. В усы котяра фыркает, глазами зеленые искры пущает!

Стал Андрюшка его с отечеством звать будто купца или городского какого начальника – Котофей Иванович. Ну, не Васькой же такого барина кликать! И плотники на верфи к нему с полным уважением – Котофей Иванович, потому от кота польза большая – всех мышей да крыс с верфи разогнал. Они теперь снасти да дерево не грызут, не точат и съестные припасы не портят.

Так жить бы да радоваться. Да приспело две неприятности. Первая – всех плотников на время в Кронштадт перевели – военные корабли, что из плаванья вернулись, починять. Остался Андрюшка на верфи один за сторожа. Припасов ему плотники уделили – однако, теперь еду самому хлопотать – кашеварить приходится, а вторая беда – осень пала, зима в глаза глядит – уж заморозки пошли. А на верфи то не больно где укроешься – ночевать то теперь студено, по утрам вон уж и вода в бочках, да в бадейках замерзает…

Сунулся Андрюшка было к соседям, где прежде жил, а там еще два близнеца народились и ночевать то вовсе негде стало. Ну, уж с этим бы как нибудь угнездился, хоть под печкой, да хозяйка взъелась:

– С котом не пущу! Он вона какой зверюга огроменный! Шут его знает, чего ему в голову взбредет, разыграется, начнет скакать, да когти распускать – может младенцев попортить.

– Да он смирный, от него кругом польза! – Андрюшка говорит.

А хозяйка ни в какую:

– Сам ночуй, уж куда не то тебя сироту убогого приткнём, а кота – гони!

– Я без кота не пойду, – думает Андрюшка, – кота не брошу. Пускай мы замерзнем, уж хоть бы как да вместе. У меня акроме кота никого и родни то нет!

Заплакал горько, взял кота на руки да и пошел на верфь обратно. А ветер воет – снег пошел, у кораблей недостроенных, что на стапелях стоят, сугробы наметает. Темно кругом, луна свозь тучи почти что и не светит. Кот тяжеленный, Андрюшке его нести трудно – вот кот то и вырвался, да и сбежал куда-то меж стапелей да кораблей. Уж мальчишка его и звал, и приманивал «Котофей Иваныч, воротись! Котофей…» – куда там – нет кота!

Нашел Андрюшка какую то рогожу- ветошку, ящик свой со стружками под борт корабля строящегося перетащил, чтобы хоть малая какая от ветра защита была. Залез в ящик, в стружки закопался, рогожей накрылся. Лежит, от холода зубами так стучит, что и молитву выговорить вслух не может. Так, про себя, молча Богу молится:

– Спаси и помилуй, меня Господи, не допусти к лютой смерти от холода…

Долго ли коротко, а ветер стих и вроде как согрелся мальчишка чуток. Тучи на небе разошлись – луна засветила, звезды высыпали… Много звезд, разными огнями в небе мигают – которые голубые, иные красноватые, есть и зеленые…И не то сном он забылся, не то еще как, а только мниться ему, что две звезды с неба упали и к нему приблизились. Встрепенулся Андрюшка, опомнился, а это Котофей ему своими зелеными глазами прямо в лицо смотрит, да мурлычет:

– Андрррюшка, Андрррюша…

Обрадовался мальчишка, что кот вернулся, вскочил – бросился к коту. Смотрит, а рядом с котом два человека стоят, лиц то особо не разглядеть, а платье на них какое-то иноземное, старинное, как бы не с петровских времен – кафтаны длинные, шпаги при бедре, а на головах шляпы – треуголки. Кот их не боится, об их высокие сапоги – ботфорты трется.

– Не бойся нас Андрюша, – незнакомцы говорят, – Пойдем с нами, а то здесь ты совсем замерзнешь…

– Да откуда вы меня знаете? – мальчишка удивляется.

– Вот уж знаем! Мы тебя давно заприметили, как ты тут на верфи труждаешься…

– Да имя то откудова вам мое известно?

А они смеются:

– Котофей Иваныч сказал.

– Да разве коты разговаривать умеет?

– Конечно умеют, – вдруг кот говорит, – Все звери, птицы и даже травы, деревья и камни говорить умеют… Они и говорят. Только люди их не больно понимать желают. А ты ступай с нами – мы тебе худа не сделаем.

Перекрестился Андрюшка да и пошел. Котофей впереди, а он с двумя провожатыми следом. Идет мальчишка по сторонам озирается – вроде знакомое место, а вроде не такое, что прежде.

Вот вышли они с верфи. Мост через речку Охту перешли, прежде Андрюшка тут сто раз ходил, тут направо – слобода плотницкая, где он прежде жил. Глянул направо, а слободы то нет! Ночь стала тихая, ясная. Освещает луна улицу, булыжником мощеную, на мокрых камнях, да в лужах отблески посверкивают. По сторонам улицы дома стоят, которые одноэтажные деревянные, а другие – больше каменные узкие да высокие о двух, а то и трех этажах. В домах окошки светятся – видно там люди живут…Оглянулся назад, а на месте Петровской верфи – крепостные стены виднеются, лунный свет башни освещает…

– Что это за крепость? – мальчишка спрашивает, – что это за город?

– Это крепость по-шведски зовется Ниеншанц, – провожатые отвечают, – А город Ниен, что по-русски означает Невский, стало быть и крепость Невская. Разве ты не слышал, что на том месте, где Петровская верфь теперь, на берегу реки Охты прежде город стоял?

– Нет, – говорит мальчишка, – Не слышал. От кого слышать-то? Сказывали только, что плотников сюда из Архангельского города переселили… Потому они нечего и помнить не могут, да и давно это было… А куда ж этот город да крепость делись? Я ведь его прежде не видел.

– Никуда не делся, – отвечают провожатые, – Где был тут и стоит. Только невидимым стал, потому живущим здесь людям его и не видать. Они через этот город скрозь ходят, а ничего не чувствуют.

Как Андрюшка не стеснялся, а все же спросил:

– А вы кто ж?

– Мы сего города жители, – провожатые отвечают, – в 1703 году Петр Первый с войском крепость взял, горожан не попленил, а всем разрешил в город Выборг переселиться. Вот все и уехали…

– А что же вы не уехали?

– Мы остались – смеются незнакомцы: – Нам , сынок, уехать никак не возможно, потому в те поры нас в мире видимом уже и не было…

У Андрюшки от страха волосы дыбом встали – неужто его мертвецы ведут и сам он уже не живой? Кот вон разговаривает!…

А незнакомцы, точно его мысли прочитали – говорят:

– Не бойся Андрюша. Мертвецы в могилах лежат и оттуда не встанут, допрежь страшного суда. Они хоть и не живые, а из мира вещественного, знаемого, а мы из мира невидимого… Считай, как мечтательного… Потому вещественный мир нам и не мешает и мы ему не видны, но мы есть, и некоторым людям открываемся…

Долго ли коротко они шли, улицу и пустынную но ночному времени площадь, где собор с колокольней стоял миновали, пришли не то в корчму, не то в трактир. В трактире тепло, весело, скрипки да волынки играют, барабан стучит… Народу полно. Которые танцуют, которые за столами угощаются, а которые трубочки длинные фарфоровые покуривают на непонятных языках меж собою разговаривают.

Андрюшку за стол усадили – разным яством подчуют. Да все горячее, вкусное! А мальчике кусок поперек горла – оттого про что люди в корчме говорят ему непонятно.

Тут подносит ему Котофей Иваныч ему чашку с горячим питьем и говорит:

– Вот, Андрюща, за твою доброту, что ты меня спас и не предал, когда хозяйка тебя из дома выгнала – следует тебе от меня подарок. Как сие волшебное питье выпьешь так все языки понимать станешь и сам на них разговаривать сможешь.

Мальчишка, как ему кот велел, питье выпил, а оно хорошее, сладкое… и сразу все разговоры, все песни, что округ него пелись ему понятны сделались. Понял он, что в трактире гуляет народ разных язык: и шведы, и голландцы, и финны, есть и русские – все города Ниена жители…

– А что за праздник нынче празднуется? – спрашивает мальчик.

– Так как же не праздновать – сразу ему несколько человек отвечают, – Рождество Христово!

– Да как же Рождество – удивляется Андрюшка, – когда мы с верфи уходили – едва зима начиналась.

– А у нас тут время по другому движется, когда быстрее, когда медленнее, – ему сосед за столом объясняет, – А разве ты сам не замечал, что веселое время быстро летит, а когда ты в скуке или в печали – бесконечно тянется.

– Замечал, – говорит Андрюшка, – У нас и на верфи плотники даже песню поют: «Проходи поскорей скушно времячко…»

– Ну вот, – говорит сосед в голландском колпаке, – А мы тут умеем так временем распоряжаться, что скучное быстро проходит, а веселое, да полезное долго тянется. Как захотим, так его и двигаем. Однако, как говорится, всякому делу – свое время. Наелся, согрелся – вот и хорошо. Теперь спать ложись – отдыхай, а с утра в учение пойдешь…

Проводил Котофей Иваныч Андрюшку в отведенные ему покои. На высокую да мягкую кровать, на какой мальчишка отродясь не спал уложил, пуховым одеялом накрыл.

– Спи, дружок, отдыхай! Ангела на сон пожелал.

Андрюшка и уснул, и сны ему снились легкие прозрачные цветные…

Утром проснулся, умылся, а уж завтрак на столе. Закусил, чаю кофею выпил, ан учитель старенький в камзоле старинном, в полосатых чулках и туфлях с пряжками со стопкой книжек – тетрадок подмышкой, с гусиным пером за ухом да с указкой в руках пришел всяким наукам Андрюшку обучать: и читать, и писать на разных языках, и арифметике, и географии, и даже черчению…

После обеда другой старичок– мастер в кожаном фартуке, с ремешком- шпанлырем поперек лба, чтобы волосы не мешали, повел Андрюшку на верфь. Дали ему инструмент как раз по

руке подходящий и стал мальчик плотницкое да столярное мастерство осваивать. А в другие дни и кузнечное дело, и токарное и даже паруса шить его разные мастера обучали.

Долго ли коротко, а все ремесла Андрюшка освоил, все науки превзошел. Учителя на него не нахвалятся… Котофей Иваныч им даже гордится.

Однако, стали Андрюшу разные неотвязные мысли терзать: почему в этом городе Ниене никогда солнце не светит, все время как бы сумерки, потому в домах постоянно свечи горят? Куда корабли, которые на верфи строят, уплывают? Вот на стапеле их соберут, на воду спустят, такелажем парусами оснастят и поплывет кораблик белой воздушной горой вдаль, не то по воде, не то по небу – потому над водой всегда туман густой и куда судно правит непонятно. Да и кто на руле стоит не видно. Похоже на кораблях ни капитана, ни матросов нет… Почему в бадейке, над которой Андрюшка по утрам умывается нет его, Андрюшкиного, отражения? А однажды глянул он на свои руки – а они крепкие, мускулистые, от топора да другого плотницкого инструмента сильными сделались, пальцы умелыми стали к письму да черчению способные. Хорошие руки, но разве у мальчонков такие бывают? Это же мужские руки!…

Рассказал он про свои мысли бессонные Котофею Иванычу. Пригорюнился кот и говорит:

– Вырос ты, Андрюша, возмужал. Видать скоро нам расставаться…

– Не хочу я расставаться! – говорит Андрюша, – Мне тут хорошо.

– Всякому времени, свой срок – кот отвечает, – вот и твоему времени здешнего пребывания срок окончился и конец пришел.

В скорости, учителя и наставники Андрюшины устроили ему экзамены по всем предметам: и по словесным наукам, и по математике, и по ремеслу – во всем он отличные знания явил и тем заслужил от ученых мастеров похвалу. А после сего, позвали его в большую залу, там поперек стол стоит зеленой скатертью покрытый, свечи в шандалах горят. За столом его наставники сидят. Все в парадных камзолах, в париках, при орденах и в наградных лентах.

Старейшина мастеров-наставников Андрею похвальную грамоту зачитал, с окончанием курса всех наук поздравил, а в заключение говорит:

– На сем мы с тобою, хоть нам и грустно, прощаемся, а на прощание дозволяется тебе задать нам три вопроса, на которые сам ответа не знаешь, а мы правду ответить обязаны. Спрашивай.

Задал Андрюшка главный вопрос, на который давно в размышлениях своих ответ искал.

– Как так случается, что вроде мы в городе Ниене, а города сего в видимом мире давно нет. А где же тогда мы пребываем?

– Ответ простой, – учителя говорят, – в природе есть вещи видимые, а есть и невидимые. Например, знания и мысли. Ведь вот, скажем, мысль человеческая невидима, пока в видимые предметы или дела не обратиться. Однако, порою мысли и мечтания бестелесные, куда как большую силу являют, чем видимые обстоятельства. Мы – в мыслях твоих. Задавай второй вопрос.

– Кто вы, уважаемые мои наставники и есть ли вы на самом деле не в мечтаниях, а в природе?

– Вот ты, Андрей, часть природы? Значит и мысли твои – тоже часть природы, а раз мы в мыслях твоих существуем, значит и мы в природе пребываем, только в состоянии невидимом. Из этого и следует, если нас помнят – мы живы. Задавай третий последний свой вопрос?

– Сколько я у вас пребывал и кто я теперь?

Встали все наставники из за стола в полный рост и старший возгласил:

– Ты пребывал у нас в учении и воспитании по земному времени ровно десять лет, мы учили тебя всему, свои знания – умения мы тебе во всей полноте передали и теперь твое имя Андрей – корабельный мастер. Нынче настало тебе время в мир видимый вернуться. Оборотись и посмотри в зеркало, что позади тебя сейчас поставлено.

Повернулся Андрей, а прямо перед ним дверь не дверь – зеленым бархатом занавешено. Котофей Иванович занавес сдернул – перед Андреем, больше роста человеческого, зеркало.

– Посмотри в зеркало – за его спиной голос старшего наставника раздается.

Глянул Андрей в зеркало, а там незнакомый высокий юноша стоит в морском мундире и у ног его кот. Невольно Андрей руку поднял, точно закрыться хотел, от неожиданности и юноша в зеркале руку поднял, тряхнул Андрей головой, словно от видения избавиться хотел и юноша тоже…

– Господи, неужели это я? – чуть не вскрикнул Андрей

Но еще более поразило его не это, а то что он Андрей, хоть и в новом обличии в зеркале отражается, а кроме него, да кота, в зеркале ничего нет! Ни зала, ни стола со скатертью, ни стариков наставников…

– Ступай прямо в свое отражение. – голос за спиной говорит. – Прощай!

– Прощай, Андрюша – говорит Котофей Иваныч, – я с тобой не пойду. Я уж тут хорошо укоренился. У меня тут жена да котятки…. А ты живи теперь в видимом мире, а нас помни, науку здешнюю да ремесла не забывай, трудись да жизни радуйся.

Шагнул Андрей прямо в зеркало и вышел из него в незнакомой комнате. Обернулся назад, глянул. А в зеркале только его отражение и чуть в уголке, вроде тень кота метнулась.

Не успел Андрей опомниться – в дверь стучат.

Входит матрос:

– Вот, – говорит, – Ваше благородие. Мундир ваш – новехонький с иголочки, прислали. Одевайтесь – внизу уже карета ждет на пристань ехать. Как раз судно в Питер идет. Не забудьте ларец. А хотите я его в карету снесу?!.

– Нет, нет , – говорит Андрей, – Не беспокойся, я сам.

– Как вам угодно, – матрос говорит, – какое ж это мне беспокойство. Это служба моя такова. А зеркало то счас матросы упакуют да на корабль доставят, тут от Выборга до Питера при попутном ветре рукой подать. Погода нынче хорошая – вон солнышко как сияет.

– Как я в Выборге то оказался? – думает Андрей, потому как к себе нынешнему еще привыкнуть не успел.

Смотрит – на столе ларец стоит, ключом запертый и ключ тут же. Открыл Андрей ларец, а там разные аттестаты на его имя – какие он языки знает, да какие науки изучал и какие степени и звания имеет. А в специальном отделении несколько монет золотых и деньги ассигнациями – на первый случай…

Как прибыли в Санкт –Петербург, Андрей сразу в Морском ведомстве представился и на Охтинскую Петровскую верфь назначение получил. Через Неву переправился, а на верфи его уже встречают.

– Вот, – говорят, – Мы уж вас, господин корабельный мастер, заждались,. Вышел приказ большой корабль закладывать, а мы робеем, таких то кораблей на нашей верфи, покамест, не строили.

Так Андрей сразу за работу и принялся. И стали со стапелей вскорости большие корабли на воду спускать, тут ведь и знаменитый фрегат «Паллада» и шлюп «Восток», который до Антарктиды доплыл, построены и много других…

Андрей в года вошел, женился, детей вырастил, внуков дождался. Рядом с верфью так всю жизнь и прожил, правда, дом себе по чину выстроил каменный – семья то разрослась большая. А в кабинете, где он работал всегда большое зеркало стояло, хотя вроде бы ему тут и не место.

Все сослуживцы Андрея удивлялись, как ему всегда быстро удается много проектов кораблей рассчитать и чертежей сделать, будто ему десяток самолучших мастеров помогает. То же и слуги, и домашние его удивлялись – почему он работает в кабинете только при запертых дверях и вроде, там в закрытии, не то с кем то разговаривает, не то сам с собой говорит раз-

ными голосами… Ну, да такому изрядному корабелу, да морскому генералу как же без причуд прожить? Знамо дело – все великие ученые со странностями…

Еще любил он по вечерам смотреть как над Невой облака плывут. Подолгу смотрел… Его дети спрашивали, когда еще маленькие были:

– Откуда это облака, что над Невой плывут, берутся?

– Это корабли из города Ниена. – отвечал он, но ребятишки его ответа не поняли.

А когда, совсем стареньким стал, от дел отошел, то внукам, однажды, рассказывал, как он в невидимом городе Ниене жил, да и потом туда не раз совета спрашивать отправлялся – через зеркало…

Но только самая маленькая внучка ему поверила. Она и в зеркало влезть пыталась, да только шишку на лбу набила, и с котом домашним Котофеем разговаривать пробовала, но кот ей так ни разу ничего не ответил и не заговорил.

Призрак Летнего дворца

Всемирно известная решетка Летнего сада архитектора Фельтена стоит на том месте, где прежде в 1732 году был построен одноэтажный деревянный дворец императрицы Анны Иоанновны. В роскошных дворцовых комнатах и залах она проживала с мая по декабрь ежегодно. А прогуливалась в Летнем саду ежедневно. Из двадцати восьми помещений дворца её фаворит, недоброй памяти Бирон, занимал десять… Да и сама то императрица благодарных воспоминаний о себе не оставила.

Был у Петра I сводный (от разных матерей) брат Иоанн. Он тоже вместе с Петром был коронован и считался царем. Так что некоторое время у нас в России, одновременно, было два коронованных царя. Но к царствованию Иоанн оказался неспособен по нездоровью, а Петр спервоначало не годился по малолетству, потому за них правила их старшая сестра царевна Софья. И когда возросший Петр I взял в свои руки бразды правления, Иоанн V всё ещё числился царем, стало быть, дочь его Анна, племянница и крестница Петра – царевной.

По смерти Иоанна, Петр I стал распоряжаться судьбой своей племянницы семнадцатилетнеей царевны Анны, и вопреки её воле, по дипломатическим, стало быть, соображениям, выдал её замуж за герцога Курляндии и Семигалии. Замужем то Анна Иоанновна пробыла всего два с половиной месяца – помер герцог. Сказывали, пропытался в застолье Петра I перепить да слаб явился – не выдержал. Так стала Анна вдовой и отправили её от царского двора в Курляндию – мужниным герцогством владеть.

Ну, жила бы она там и жила курляндской герцогиней-помещицей, да в России после смерти Петра I пошли нестроения! Кратко царствовала жена Петра – Екатерина I, а как померла – на Российском престоле её сменил внук Петра I – Петр II Алексеевич. Одиннадцатилетнего мальчонку, который и по русски то не все разумел (отец царевич Алексей в тюрьме сгинул, мать – немка померла рано – сиротой рос, только что по татарски ругаться научился.) "Птенцы гнезда Петрова" Меншиков и прочие, возвели его на Российский престол, но грызлись вельможи меж собою за власть, как собаки у хозяйского стола. Непонятно, что из этого царствования бы вышло потому – заболел Петр II черной оспой и преставился.

Тут меж царедворцами такая распря пошла, что явилась мечта и далее самим Россией управлять, а царскую власть ограничить, чтобы как в Англии: где король правит, но не управляет. Вот чтобы и в России бывшие соратники Петровы дербанили державу и грабили бы невозбранно. Потому и пал выбор на Анну Иоанновну. Вельможам царским казалось, что ею вертеть можно будет как угодно. А и то сказать – выбирать то, вроде бы и не из с кого. Призвали царевну Анну в Санкт-Петербург и предъявили ей "кондиции" – по котором она большую часть власти аристократам передать обязывалась.

Долго об том рассказывать, а совершилось-то быстро – порвала Анна "кондиции" , допрежь ею подписанные, в коих обещалась требования царедворцев исполнять, и стала полноправной императрицей! Да как же она не побоялась?! Решилась она, потому Гвардия от грызни ближних к престолу людей устала, а в ней ещё с петровских времен закалённые бойцы оставались, кои сбережению и славе Отечества Российского служили. Да и молодые гвардейцы о честном и справедливом Государе помышляли и видеть таковой правительницей желали Анну. Ан вот не вышло как им мечталось!

Возня то у престола, по виду поутихла, да на смену Меншикову, Долгоруким и прочим "птенцам гнезда Петрова" пришел Бирон – фаворит императрицы, коего она из Курляндии привезла. А той так всех придавил да поборами обложил, что у всех сословий Российских шеи затрещали. Открытый грабеж Державы пошел! Беды ещё и в том прибавилось, что прежь того, хоть и крали немыслимою мерою, а всё краденое в России оставалось, но Бирон награбленное

заграницу отправлял… И все его боялись – всех он за горло держал, хотя державу Российскую и весь народ русский ненавидел…

Новая императрица на престоле Империи зажила вольготно, как в поместьи курляндском. Пошли при ней забавы да машкерады, фейерверки да гуляния.

Вон в Русском музее бронзовая статуя Анны Иоанновны сохраняется – совершенный её портрет скульптор Расстрелли не дрогнувшей рукою изваял.

Грузная да тяжкая. Не случайно, кто её при жизни видел, воспоминали, что она лицом более на мужчину походила, чем на женщину. Пуще всех забав императрица любила охоту! Стреляла хорошо, метко. Правда, охотой то это её развлечение назвать – язык не поворачивается.

Со всей страны под Петергоф в специальные загоны свозилась разнообразная живность. И прогуливаясь по парку, императрица по ней непрерывно стреляла. За одно только лето 1739 года застрелила она девять оленей, шестнадцать диких коз, четырех кабанов, одного волка, 374 зайца и 608 уток! Во дворце, во всех простенках стояли заряженные ружья. Она хватала их и палила из окон по каждой пролетавшей мимо чайке, вороне или галке.

А бывало – устраивали охоты из «ягт-вагена» – особого экипажа. Его ставили посредине поляны, куда загонщики гнали дичь. Там звери попадали в парусиновый коридор до самого «ягт-вагена», где в безопасности сидели охотники и в упор расстреливали оленей, волков, поднятых из берлог медведей и прочих… Убийство вот и такая "доблесть!"

Мнительная царица за свою жизнь сильно опасалась, боялась заговоров, потому в 1730 году учредила Канцелярию розыскных дел. Сия Канцелярия вскорости набрала силу чрезвычайную, пошли доносы да неветы и клевета, корысти ради. Достаточно стало превратно понятого слова или жеста, чтобы угодить в застенок на пытки и казни, а то и вовсе бесследно исчезнуть. Сосланных Сибирь и, впервые, на Камчатку более 20 тысяч человек, из них более 5 тысяч таких, о ком ни следа, ни известия нельзя сыскать. Ссылали не то что без суда , а и без всякой записи, с переменой имён. Казнённых прилюдно до 1000 человек, это без умерших на следствии под пытками и казнённых тайно.

Ни знатное происхождение, ни высокий чин, попавшего в немилость, не спасали: трём князьям Долгоруким отрубили головы, фаворита Петра II Ивана Долгорукого колесовали, кабинет-министру Волынскому, допреж как отрубить голову, язык отрезали …

Не зря это время вспоминается в Росиии как страшная пора бироновщины. Уж этот то временщик открыто лютовал и наживался, пользуясь любовью императрицы. А она исхитрилась сочетать в единое казни и увеселения.

Внук, одного из знатнейших и умнейших людей, фаворита царевны Софьи, Василия Голицына – Михаил Галицын при ней в страшную немелость попал. Дед дал ему прекрасное домашнее образование, а по возвращении Голицыных из ссылки, по указу Петра I Михаила отправили учиться заграницу, где он закончил Сорбонну. Воротясь, в военной службе получил немалый по тем временам чин майора. Был женат, но овдовел и оставив двоих детей в России от тоски уехал в Европу. Там влюбился, не то в итальянку, не то в немку, но это бы не беда, да вот обвенчался с ней, приняв католичество, вероятно, по европейскому образованию и мягкости своего характера, рассудив, что православный или католик – всё едино. Какая разница – обои христиане, не предполагая, чем эта перемена веры для него обернётся.

Сказано: в чужом , глазу, соломину видят, а в своём бревна не замечают! Императрица, жившая открыто с Бороном, при его живой жене, то есть, во грехе и блуде с иностранцем чужой веры, за измену Православию, подданным же своим полагала смертную казнь.

По возвращении в Москву попал Голицын в такой переплет, о коем допрежь того и помыслить не мог! Жену его не то выслали, не то ещё куда то дели… А самого князя из рода преславного, заслуженного, императрица лишила титула и определила в свои шуты, коих

вокруг неё постоянно толпы роились. Мало что свои "дураки" в числе изрядном, а даже из Европы приезжали шуты и разные проходимцы – фокусники.

Получил Голицын – кличку "Квасник" и восемь лет на царских трапезах немолодой уже, образованный, имевший прежде немалый чин – майора, чувствительный сердцем Михаил Алексеевич подавал пирующим квас, а в остальное время сидел, насмешек ради, на лукошке с яйцами, изображая наседку.

Досужие советчики, спустя два с половиной столетия, укоряют князя, дескать он, ради сохранения жизни, пренебрёг княжеской честью, мол, лучше было бы ему руки на себя наложить, чем такое поношение принять. Легко судить!… Голицын был христианин – потому самоубийство считал смертным грехом, а греха боялся пуще смерти. Скорее всего, он в душе совершенному им прежде, значения не придавал, то теперь же ужасался содеянному и муку свою считал заслуженной, потому и переносил её со смирением. Вот смирение то его более всего императрицу и раздражало!

Потому измыслила она издевательство над, определенным в шуты бывшим князем, (коему уже было за пятьдесят – по тем временам лета жизни преклонные) изощрённое: женить его на "карлице калмычке" нрава злого, драчунье, острой на язык и язвительной сверх меры. При дворе считали её горбатой уродиной, акромя того, она в бане по русскому обычаю вениками не хвощалась, а натиралась маслом и жиром, как у жителей безводных степей и пустынь принято. За то и дали ей прозвание Буженинова – запах от неё был иной, чем от прочих при дворе.

Зимой 1740 г в 30 градусные морозы построили на Неве дом Ледяной Дворец. Лед разрезали на большие плиты, клали их одну на другую, поливали водой, которая тотчас же замерзала, накрепко спаивая плиты. Фасад собранного здания был 16 м в длину, 5 – в ширину и столько же в высоту. Кругом крыши тянулась галерея, украшенная столбами и статуями. Крыльцо с резным фронтоном разделяло дом на две половины – в каждой по две комнаты (свет попадал туда через окна со стеклами из тончайшего льда). В покоях же Ледяного дома находились два зеркала, туалетный стол, несколько подсвечников, двуспальная кровать, табурет, камин с ледяными дровами, резной поставец, в котором стояла ледяная посуда – стаканы, рюмки, блюда. Здесь и округ дворца учинили грандиозную свадебную феерию!

Жениха с невестой посадили на слона в железную клетку. За слоном на оленях, свиньях и собаках следовал свадебный поезд: 150 пар многоразличных народов бескрайней России, в их одеждах и с тамошними музыкальными инструментами, в кои они дудели, свистели и бренчали в струны, били в бубны, барабаны и пели на своих наречиях! Да при факелах шутихах и фейерверках – ад кромешный! Горожанам столицы в удивление и страх! Какое тут может быть веселье – живых людей немощных на казнь лютую немыслимую везут!

После венчания и хмельного пирования, а Квасника-Голицына и шутиху Авдотью, глумясь, отправили в дворец на ледяное брачное ложе, да приставили к ледяному дворцу крепкий караул, чтобы не сбежали.

Горожане перешептывались, мол, князь бы пропал, кабы не калмычка, которая как то исхитрилась либо подкупить стражу, либо упросить, и оные караульщики либо из корысти, а больше, по милосердию – тоже ведь люди, доставили в Ледяной дворец шубы. В них новобрачные согревались, с тем и выжили. Мороз февральский стоял лютый. По злой императрской прихоти, новобрачные должны бы за ночь замёрзнуть, однако, утром их нашли живыми, а шубы, должно, успели спрятать, не то унести. В апреле Ледяной дворец как страшный сон растаял и с ледоходом по Неве в море уплыл. А без малого через полгода стало и не до него!

В октября иное чудо явилось. Темнело то уже по осеннему рано. Бирон, по всегдашнему обыкновению, пошел с императрицею на ее половину. Тут в Летнем саду явилась некая женщина и прошла во дворец. Караульные её не остановили, потому видом она – вылитая государыня Анна Иоаннова. Дежурный офицер – старший по караулу поначалу даже растерялся – он

же видел как императрица с Бироном в свои комнаты ушла и оттуда не выходила, а здесь вот она из сада явилась. В тусклом мерцании свечей странная фигура, схожая с императрицей как отражение в зеркале, беззвучно двигалась по тронному залу. Караульный офицер, зная крутой и взгальный нрав Анны Иоанновы, не посмел к этой загадочной фигуре подступиться – побежал будить Бирона – уж тому ли не знать где императрица?! Всполошились караульные солдаты и все кто был во дворце! Призрачная фигура не исчезала, продолжая ходить по залу. Наконец, вышла Анна Иоанновна, направилась прямо к той, что ходила по залу и глянула ей в лицо, словно в своё отражение… По слухам, прежде известно было – что какая то гадалка предрекла императрице смерть, когда она увидит своё отражение… Потому императрица и произнесла:

– Это моя смерть!

Женщина – двойник императрицы стала отходить к трону, что стоял в этом зале в дальнем конце в полумраке… Анна же Иоанновна, не то в обморок упала, не то просто повернулась и ушла обратно к себе в спальню… Тут поднялась суматоха, а явившийся призрак в полумраке очном растаял.

В скором времени, 17 октября 1740 года на сорок восьмом году земного бытия, процарствовав десять лет, императрица отошла на суд Божий. Смерть её и похороны перекрыли гул слухов о призраке. Петербуржцы же меж собою по вечерам толковали разно. Одни считали, что призрак, предвестивший смерть императрице, точно был! Что он явился из ада и забрал её душу Анны Иоанновны, от которой народу православному было много зла. Вон одних немцев разных в столицу Империи понаехало – проходу от них нет! Иные же в призрака не верили и считали сие происшествие делом рук человеческих. Императрица де сильно как театральные представления обожала, со всякими чудесами и фокусами – вот ей театр и устроили, дабы напугать, может даже и до смерти! И присовокупляли , что за неделю до того как призрак в царском дворце явился, Анна Иоанновна за обедом сознания лишилась… А сие неспроста – женщина то она хоть и тучная, но цветущая и признаков болезни в ней наблюдалось. К тому, добавляли , что у Зеленого мосту на Невской першпективе в реке выловили утопленницу – сильно как с покойной императрицей на внешность схожую. Вот тут как хочешь – так и понимай!

Но в ближайшие дни такое в столице Российской Империи началось, что стало не до призраков.Бирон перед смертью императрицы вытребовал с неё указ, что вся полнота власти переходит к нему. То есть, этот временщик на русский престол сядет! Народ наш уж на что терпелив, а такое неподобство и ему невтерпежь! Взбунтовалась Гвардия и бравый военачальник Бухгарт Миних – покоритель Крыма, с Преображенцами и Семёновцами ночью к Бирону ворвался! Штыками, прикладами ружей и сапогами его с дворцовой лестницы спустили. Жену с постели чуть не за волосы волокли! И тем же часом возвели на престол племянницу Анны Иоанновны, дочь её сестры – Анну Леопольдовну, коя пребывала замужем за принцем Антоном Ульрихом – командиром Бравернейского кирасирского полка. Антон Ульрих, вроде как сам себе, сразу дал чин генералиссимуса. При Ульрихе состоял же и ныне известный здоровяк кирасир барон Мюнхгаузен – и наверно в те дни ему попритчилось, что он в счастливый случай попал – теперь одостигнет на русской службе высот небывалых. Однако, не прошло и полгода как Преображенцы вознесли на престол дочь Петра I – Елизавету Петровну…

Но уж это другое царствование и другие легенды. А чтобы эту про Анну Иоанновну, Ледяной дом и призрака закончить – вернёмся к рассказу о князе Михаиле Алексеевиче Голицыне и калмычке Авдотье Ивановне Буженининой. Завершение этого рассказа будет благополучным, елико возможно.

Княжеский титул Голицыну вернули, шутовской балаган в Летнем дворце разогнали. Однако, произошла вещь неожиданная. Князь шутейный брак, совершенный с калмычкой в насмешку, признал за действительный, венчанный! Вот стала Авдотья Ивановна женой законной, а стало быть, княгиней. Она ещё при жизнь императрицы Анны Иоанновны за супруга

своего Михаила Алексеевича любому была голова глотку перегрызть, когда он еще в шутах состоял! Уж и тогда, при калмычке над ним никто шутить не смел. А за себя то Авдотья Ивановна и прежде постоять могла, кто её домогаться пытался в Летнем дворце ошиваясь, тот радехонек бывал, что жив остался, хоть бы и в синяках и ссадинах. Полюбила она Михаила Алексеевича всей своей чистой душою, и готова была за н ним хоть в ледяную прорубь, хоть в огонь, хоть на плаху, даром что был он её на 23 года старше.

А уж как стала калмычка – княгиней, тут уж враз всеми забылось, что она "карлица" – мало ли людей малого роста сказано: "Мал золотник да дорог", и что считалась она "уродиной" – просто у неё лицо для европейцев того времени непривычное, а ведь приглядеться – оно не без красоты! А горба то, про которой толковали и насмешки строили, прежде у неё, оказывается и не было, вот и буженины от неё не пахло.

Родила Авдотья Ивановна в сем нечяянном, но счавстливом браке князю двух сыновей – одного в том же 1740 году, когда их свадьбу в Ледяном дворце праздновали, а через скорое время и второго, но вот этими родами в тридцать два года и умерла, оставив князя Михаила безутешным… Этот второй мальчик тоже ещё в детстсве умер. В восемнадцатом столетьи и в родах и по малолетству много умирало. А старший возрос, как и отец до майорского чина в военной службе дослужился. Полноправный старинного славного боярского рода – князь Андрей Михайлович Долгорукий – наполовину калмык.

Невские волки

Люблю воинственную живость
Потешных Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красивость,
В их стройно зыблемом строю
Лоскутья сих знамен победных,
Сиянье шапок этих медных,
На сквозь простреленных в бою.
А.С. Пушкин

В самом центре Питера рядом с Инженерным замком и Летним садом (Как раз через Лебяжью канавку) – Марсово поле, про которое Александр Сергеевич Пушкин написал, что оно «потешное», а ведь в этом слове никакого веселья то нет. Потешными первые два будущих гвардейских полка Преображенский да Семеновский назывались, когда юный царевич Петр из подростков двух сел Преображенского да Семеновского два солдатских полка составил, дескать, шутейные полки, царевичу на забаву. Против стрельцов тогдашних и в правду не всерьез – одна потеха. А эти то два полка вскорости основой будущей новой армии сделались и много побед одержали, хотя и много крови пролили во славу Отечества.

Но одно дело за Веру, Царя и Отечества на поле брани кровь проливать – тут и жизнь отдать – долг солдатский, а другое дело на Марсовом поле от муштры да маршировки здоровья лишаться. От Петра I то как повелось – забирают парня в рекрута – самого красивого, здорового да рослого, на всю оставшуюся жизнь от родни да отца с матерью отрывают и ставят на воинское обучение. А в учении унтерам да фельдфебелям наказ – обучать солдат без всякого снисхождения: «Двух рекрутов насмерть забей – третьего в строй поставь!» И еще как били да забивали!…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.